

М.М. Магомедханов

ДАГЕСТАН Л.И. ЛАВРОВА

«И у меня есть тоже свой собственный Дагестан. Таким вижу его только я, таким знаю его только я. Из всего, что я видел в Дагестане, из всего, что я пережил, из всего, что пережили дагестанцы, жившие до меня и живущие вместе со мной, — из песен и рек, поговорок и скал, орлов и подков, из тропинок в горах и даже эха в горах — сотворился во мне мой собственный Дагестан»

Расул Гамзатов. Мой Дагестан

У выдающегося кавказоведа Леонида Ивановича Лаврова тоже есть свой, основательно им познанный, а потому глубже и сердечнее многих дагестанцев понятый и принятый Дагестан. Есть и будет. То, что живет в поколениях, то, что неотделимо от исторического, культурного, национального сознания современников, не поддается спряжению в прошедшем времени.

«Оглядываясь в прошлое, видим, что в XVIII и первой половине XIX в. главным и почти единственным центром кавказоведения был Петербург. Во второй половине XIX в. в дополнение к нему возникли крупные очаги этой науки в Москве и Тифлисе, а несколько позже — в других кавказских городах <...> После установления Советской власти <...> получил второе рождение и старый кавказоведческий центр на берегах Невы, что связано с активной научной и организаторской деятельностью ленинградского академика Н.Я. Марра, вокруг которого сплачивались представители разных гуманитарных наук. Переезд Академии наук СССР в 1934 г. в Москву, смерть Н.Я. Марра, война с фашистами и блокада Ленинграда резко снизили в кругу кавказоведов удельный вес ленинградских ученых» (Лавров 1982: 178–179). Так писал Л.И. Лавров в 1957 г.

Сегодня мы вполне осознанно можем говорить о третьем рождении петербургского кавказоведения. И это в решающей степени было предопределено неутомимой деятельностью таких ученых как И.А. Орбели, И.Ю. Крачковский, А.Н. Генко, Л.И. Лавров, А.В. Гадло и др.

Не секрет, что доминирующие позиции в советском этнографическом кавказоведении принадлежали школе М.О. Косвена. Известны и приоритетные научные направления этой школы: поиск в живой

этнографии реликтов родоплеменного, патриархально-общинного состояния, свидетельств и объяснений затянувшегося вплоть до Октябрьской революции 1917 г. процесса перехода горцев Северного Кавказа от доклассового к раннеклассовому обществу, формирования «феодализирующейся знати» и т.п. Все это воспринималось подавляющим большинством исследователей как нечто само собой разумеющееся, а «на местах» еще и как «установка сверху». Исследователи приложили немалые усилия, чтобы подогнать под эти «модели» и «установки» дагестанскую действительность. Одни искали и находили в вольных обществах Дагестана «феодализм без феодала»; другие аргументировали вековую отсталость народов ссылками на примитивное сельское хозяйство, патриархальный быт, религиозный фанатизм, «хищничество», отсутствие достаточного числа феодалов, государственности, письменности и т.п. Отдельную группу составляли те, которые всю свою творческую энергию посвятили преодолению «переломных моментов» и возвеличанию социалистических преобразований в культуре и быте народов Дагестана.

Но были ученые, которые доказывали и показывали наличие у горцев Северного Кавказа достойных исторических и культурных традиций, древней письменности и литературы, кодексов законов, судов, собраний, выборов, т.е. свидетельств, совершенно не соответствующих «патриархально-родовому» или «родоплеменному» уровню социального и культурного развития. Да, речь о Л.И. Лаврове и его единомышленниках. Это они доказывали, что на Кавказе различия в уровне производственных отношений уживаются с общностью технических навыков в производстве и многих элементов надстройки (Л.И. Лавров); что «дефеодализация» в послемонгольский период является признаком развития, а не регресса социально-экономических отношений (Л.И. Лавров, М.А. Агларов, Д.М. Магомедов); что этноязыковая дробность Дагестана детерминирована не экономической замкнутостью и географической изолированностью, а эндогамией (Л.И. Лавров), многообразием форм политической самоорганизации общества (М.А. Агларов).

Год 1968. Социальная эйфория от грядущего «коммунистического завтра» была столь велика, что многие граждане СССР верили в то, что нельзя идти в коммунизм с верой в Бога, с «переломками проклятого прошлого» и «племенными языками». Первые лица партии и правительства, ученые и писатели твердили, что до советской власти народы Северного Кавказа не имели письменности, что историю они писали не перьями, а кинжалами и т.п. Тогда, в 1968 г., только один человек — Леонид Иванович Лавров — отважился написать: «Обилие эпиграфических памятников на Северном Кавказе, особенно в Дагестане (где их создавали почти тысячу лет), требует пересмотра расхожего представления, будто народы Северного Кавказа до недавнего времени были бесписьменными. Правда, письменность эта была не на родных языках,

но и широкое пользование латынью в средневековой Европе само по себе не означало отсутствия у европейских народов письменности» (Лавров 1968: 23).

Тот, кто знаком с трудами Л.И. Лаврова, особенно с трехтомником «Эпиграфические памятники Северного Кавказа», не мог не обратить внимания на энциклопедичность знаний, диапазон научных интересов, охватывающий широкий круг проблем этнической истории, этнографии, фольклора народов Кавказа, на ясность изложения, точность и лаконичность формулировок и заключений автора.

В каких бы городах и аулах Северного Кавказа не бывал Л.И. Лавров, какими бы этнографическими сюжетами он не занимался, для него главными все же оставались человеческие отношения. Его наблюдательность, знание, понимание и восприятие поведенческих норм и психологии горцев, человеколюбие в самом высшем смысле этого слова достойны восхищения и подражания. Дабы не быть голословным, приведу некоторые выдержки из книги Л.И. Лаврова «Этнография Кавказа».

Год 1951 г. Сентябрь. «Третий раз выступал с докладом о некоторых вопросах истории лакцев — на этот раз в Институте истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР. Познакомился с пришедшими на доклад лакскими писателями Ю. Хаппалаевым и А. Гафуровым. Последний из них уже старик, плохо говорящий по-русски. Одет он по-городскому, носит кепку и брюки навыпуск, но в душе остается настоящим горцем. Среди научных работников мой доклад вызвал сомнение. Не хотелось верить, что Кумух некогда был столицей государства шамхалов, а находку в Кумухе шамхальского кладбища отнесли на счет незнания мною арабского языка. Много позже узнал, что после моего отъезда в Кумух был специально командирован арабист М.-С. Саидов для проверки моего сообщения, и оно, конечно, подтвердилось» (Лавров 1982: 139).

Год 1954 г. Июнь. «Много времени провел с приехавшим на сессию из Тбилиси 74-летним С.И. Габиевым. Этот человек соединил в себе историка, этнографа, поэта, публициста, политического деятеля, хорошо организованного оратора и подлинного гуманиста. У него глубокий ум, железная воля и высокая порядочность. В Кумухе рассказывали, как в гражданскую войну белые, захватив селение, вызвали Габиева для ответа на джамаат. Вооруженная толпа, готовая к самосуду, не испугала его. Пламенная и смелая речь Габиева парализовала джамаат, и он на глазах оцепеневших врагов смог спокойно удалиться.

Мне довелось быть свидетелем, как С. Габиев помогал нуждающимся людям. При мне, например, он дал 100 рублей какому-то человеку, просившему у него ходатайства об устройстве на работу. За день до этого также он поступил с девушкой, работавшей в типографии, узнав о ее

материальных затруднениях. Она не хотела брать и говорила, что не знает, когда сможет вернуть деньги. На это он ответил: “Когда у Вас появится возможность, то отдайте эти деньги тому, кто в них нуждается”.

В связи с данным эпизодом С.И. Габиев рассказал, что, издавая в Петербурге газету, однажды остался без денег и, чтобы спасти газету¹, обратился за займом к редактору „С.-Петербургских ведомостей”, с которым не был знаком. Тот вручил ему 700 рублей безвозвратно и при этом сказал те самые слова, которые теперь были повторены девушке» (Там же: 163–163).

Год 1959. Август. «Сняв копии арабских надписей в дагестанском музее и на кладбищах сел. Тарки, 19 августа выехал в аварское сел. Хунзах. Вместе со мной был молодой археолог Атаев Дебир, семья которого проживает в Хунзахе. У него в доме я и остановился. Отец Дебира, Атаев Муслим, — герой гражданской войны, позже командир кавалерийской дивизии. В Хунзахе ему теперь воздвигнут памятник. В доме Дебира наблюдал характерную для дагестанского быта картину. Старший брат Дебира попросил у матери разрешение съездить по своим делам в другое селение и получил отказ. Тогда он обратился за посредничеством ко мне, но мать все равно ответила: „Не позволю!”. И этот 40-летний человек, учитель, бывший фронтовик и отец детей, не посмел нарушить материнский приказ» (Там же: 186).

Год 1975. Сентябрь. Город Ленинград. Я, тогда студент 2-го курса кафедры этнографии и антропологии истфака ЛГУ им. А.А. Жданова, уже успел протудировать два тома «Эпиграфических памятников» и несколько статей Л.И. Лаврова, знал, что он воевал в Отечественную войну на Ленинградском фронте. Поскольку было неприлично самому подходить к такому большому человеку, я обратился к профессору Р.Ф. Итсу с просьбой представить меня Леониду Ивановичу. Через какое-то время Рудольф Фердинандович и я оказались в небольшом кабинете Лаврова. Большая бритая голова и мощная комплекция хозяина кабинета показали мне точными копиями персонажа из популярного тогда кинофильма «Бриллианты для диктатуры пролетариата», который произносит фразу: «Я Ваша мысль, а мысль убивать нельзя!». То ли от волнения, то ли от молодости вместо приличествующих при таких случаях русских приветствий я выпалил: «Ассалам алейкум, Леонид Иванович!». В ответ последовало: «Ваалайкум-ас-салам! Что же ты, дагестанец, не сам пришел, а привели?». И, видимо заметив мое смущение, добавил: «Можешь не объяснять. Намус не позволил. Я не был в твоём селе Арчи, но в Шали я был. В Арчи ездила Татьяна Знамеровская. Она останавливалась в вашем доме. Зайди к ней на кафедру истории искусств. У нее есть фотография твоего отца...».

С тех пор и до конца учебы (1979 г.), когда бы я ни обращался к Л. И. Лаврову по тем или иным вопросам, он при всей своей занятости всегда уделял мне внимание. Не думаю, что он был в восторге от моих познаний, но ему импонировали моя увлеченность арабским языком и неплохое знание арабоязычных источников IX–XI вв.

Л. И. Лавров был блестящим знатоком этнической истории Дагестана и Северного Кавказа, в том числе периода VIII–XI вв. Эта была тема моей дипломной работы, которую я выполнял под руководством профессора А. В. Гадло и которую рецензировал сам Леонид Иванович!

Чем дальше время отсчитывает свои часы, тем яснее понимание научной и гуманистической значимости творческого наследия Леонида Ивановича Лаврова. И чтобы ни говорили философы, академическое время течет размереннее и солиднее времени исторического.

¹ Речь идет о газете «Заря Дагестана», редакция которой находилась в доме № 24 по Пушкинской улице Петербурга. Эта первая дагестанская газета под редакцией Саида Габиева начала выходить незадолго до Первой мировой войны.

Библиография

Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках / Изд. текстов, пер., комм., ст. и прил. Л. И. Лаврова. М., 1968. Ч. 2. Надписи XVIII–XX вв.

Лавров Л. И. Этнография Кавказа (по материалам 1924–1978 гг.). Л.: Наука, 1982.

Б. Х. Бгажноков, А. Х. Абазов

Л. И. ЛАВРОВ. «ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ ПО КУЛЬТУРЕ АБАЗИН, АДЫГОВ, КАРАЧАЕВЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ»

Изданные в 2008 г. в Нальчике избранные труды Л. И. Лаврова по культуре абазин, адыгов, балкарцев и карачаевцев (отв. ред. д. и. н. Б. Х. Бгажноков, к. и. н. А. Х. Абазов, сост. А. Х. Абазов. 560 с.) приурочены к 100-летию со дня его рождения. Данное издание является первым выпуском из серии «Выдающиеся кавказоведы».